

УДК 821.161.1–31

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-10

Ю.В. КОВРИГА,
*преподаватель кафедры иностранных языков
Харьковского национального аграрного университета
имени В.В. Докучаева*

«ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ» И ИХ РОЛЬ В ВЫЯВЛЕНИИ ПОДЛИННОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»

В статье рассматривается феномен «пограничных ситуаций» в экзистенции человека. Проанализированы литературоведческие работы, посвященные изучению этого явления в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, произведения которых представляют сокровищницу русской классической литературы. В статье изучается роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» сквозь призму экзистенции, «пограничных ситуаций» и кризисных периодов. Нами установлены психические, мировоззренческие и поведенческие изменения персонажей, которые столкнулись с подобными ситуациями. Кроме этого, в изучаемом нами романе репрезентирована мысль, что жизнь может и должна продолжаться, несмотря ни на какие политические и экономические потрясения вокруг.

Ключевые слова: «пограничные ситуации», сущность человека, экзистенциализм, ситуация выбора, внутренний конфликт.

У статті розглядається феномен «пограничних ситуацій» в екзистенції людини. Ми дали короткий опис явища «пограничних ситуацій» за словами автора цього терміна – К. Ясперса. У статті подано короткий аналіз деяких праць літературознавців, які вивчали «пограничні ситуації» у творчості Л.М. Толстого і Ф.М. Достоевського, твори яких являють собою скарбницю російської класичної літератури. На думку дослідників, ці митці є основоположниками екзистенційного напрямку в літературі Росії.

Основна мета нашої статті – проаналізувати роман Л. Улицкої «Даниель Штайн, перекладач» крізь призму екзистенції, «пограничних ситуацій» і кризових періодів. У ході нашого дослідження ми встановили вплив «пограничних ситуацій» на зміну внутрішньої сутності людини, психічні, світоглядні та поведінкові зміни персонажів.

Хронотоп війни – одна з переважаючих «пограничних» ситуацій у романі. Ми відзначили, які незворотні зміни відбуваються з людиною – її світогляд змінюється, багато що втрачає свою значущість і цінність.

Крім того, автор книги торкається проблеми внутрішнього конфлікту, який виникає тоді, коли потрібно зробити вибір між добром і злом і за таких обставин бути готовим відповідати за нього.

З нашої точки зору, найбільш руйнівним впливом війни було те, що людина починала звикати до стану війни та смерті навколо себе. Її сприйняття світу змінювалося, жорстокість навколишньої дійсності сприймалася як звичайне і буденне явище.

Ще одним вектором розуміння «пограничних ситуацій» у романі є хвороби, які змушують героїв по-іншому подивитися на те, чим наповнене їхнє життя – робота, справи, суєта. Сумна реальність полягає в тому, що люди втратили цінність близькості та спілкування, і лише тягар хвороб і подібних життєвих негараздів здатний відкрити людські очі на життєво важливі речі.

У ході нашого дослідження ми також помітили, що персонажі розглядають власні хвороби як щось корисне – це своєрідний період переосмислення свого життя, зміни ієрархії цінностей.

Більше того, автор роману подає на розгляд читача неймовірно важливу ідею – життя може і має тривати, незважаючи на будь-які політичні та економічні катастрофи навколо.

Ключові слова: «пограничні ситуації», сутність людини, екзистенціалізм, ситуація вибору, внутрішній конфлікт.

В философии экзистенциализма одной из ключевых категорий является понятие «пограничная ситуация». Этот термин в научный оборот ввел немецкий философ Карл Ясперс в своей книге «Разум и экзистенция». Согласно размышлениям К. Ясперса, человек всегда находится в какой-то ситуации, просто невозможно существовать вне ситуации как таковой. Философ отмечает, что человек на протяжении жизни сталкивается с двумя типами ситуаций. Первый тип относится к разряду контролируемых, это те ситуации, с которыми человек справляется. Второй тип подразумевает невозможность что-либо предпринять, «это ситуации, из которых мы не можем выйти, которые не можем изменить». Именно такие состояния К. Ясперс называет «пограничными ситуациями» [1].

К. Ясперс изучал поведение людей в ситуациях этих двух типов и обратил внимание на их кардинальное различие. Попадая в ситуации первого типа, человек начинает строить планы и предпринимать некие конкретные действия. При попадании в «пограничную ситуацию» человек проходит несколько этапов – сокрытия, постижения неизбежного и принятия происходящего. Последнее предусматривает внутреннее изменение самого человека. Так, В.В. Мануковский в статье «“Пограничная ситуация” и “подлинное бытие” в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова» приходит к выводу, что, соприкоснувшись с феноменом «пограничной ситуации», «человек переживает величайшее душевное потрясение, отрешается от рутинной повседневности, преодолевает ее границы и в итоге совершает личностный прорыв к трагической сути бытия» [2, с. 127]. Только в моменты потрясения, страданий, опасности для жизни и т. п. раскрывается подлинная сущность человека.

Не случайно многие ученые изучают «пограничные ситуации» именно как средство раскрытия сущности человека, прослеживая происходящие в нем, его внутренние перемены [3; 4].

Понятие «пограничная ситуация» является объектом изучения таких наук, как философия, психология и социология, органично входя в круг рассматриваемых ими вопросов. Литературоведы же обращаются к анализу «пограничных ситуаций», воплощенных в художественном тексте, видя в них возможность создания модели поведения человека, используя которую, автор как бы дает подсказку читателю, как принять и пережить происходящее, где найти силы, чтобы справиться с неизбежным.

Так, Е. Фаленкова, анализирует подобные ситуации в творчестве Л.Н. Толстого, в котором она видит «предшественника экзистенциализма» [5, с. 126]. Она отмечает, что работы великого русского писателя всегда были объектом пристального внимания исследователей, но особый интерес для тех литературоведов, кто занимается изучением вопросов экзистенции, представляет его автобиографическое произведение «Исповедь», в тексте которого раскрывается значение «пограничной ситуации» и определяются «моменты обесмысливания человеческой жизни» [5, с. 126].

Не случайно к этому тексту Толстого обращались представители европейского экзистенциализма А. Камю и М. Хайдеггер. А. Камю, в первую очередь, интересовало толстовское видение проблемы суицида. М. Хайдеггер направлял свой исследовательский интерес в сторону толстовской интерпретации философии смерти.

Мы вполне разделяем точку зрения Е.В. Фаленковой, что в художественных произведениях Л.Н. Толстого в концентрированном виде представлены вопросы и ситуации, являющиеся основополагающими в «философии жизни». В ходе анализа литературовед обозначает их ключевые элементы: тревога; страх; безнадежность; мотивы одиночества и отчуждения; борьба противоречий; кризисные ситуации, которые влекут за собой перелом в сознании героев. Е. Фаленкова, рассматривая произведения Л.Н. Толстого разных периодов, отмечает, что кризисные ситуации буквально пронизывают позднее творчество писателя, и подчеркивает, что для Толстого было важно не просто отметить, что чрезвычайные обстоятельства выбивают человека из привычной колеи, но и, в первую очередь, проследить изменения, происходящие в его мыслях и чувствах. Кроме этого, по мнению Е.В. Фаленковой, в поздних произведениях писателя особо яркое воплощение нашли остросоциальные, индивидуально-личные, религиозные и гуманистические проблемы того времени.

Особый интерес для нашей работы представляет наблюдение исследовательницы относительно физического чувства тошноты, которое испытывают герои Л.Н. Толстого при столкновении с «совершенно абсурдными для их сознания ситуациями» [5, с. 128], в переломные моменты жизни, поскольку нечто похожее мы находим в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Одним из первых в русской литературе, кто «выступил как носитель экзистенциального сознания, реализующего себя в принципиально новых по сравнению с предшественниками текстовых моделях и жанровых образованиях», А.Н. Кошечко называет Ф.М. Достоевского [6, с. 192]. Исследовательница не только обращает внимание на «пограничные ситуации» в его произведениях, но и анализирует психогенетические и мировоззренческие особенности личности писателя, которые играют ведущую роль в генезисе его экзистенциального сознания.

Тезисно изложим выводы, к которым приходит А.Н. Кошечко в статье. Так, с ее точки зрения, «эпилептическая конституция психики и резкие перемены настроения» Ф.М. Достоевского играли ведущую роль в его восприятии действительности и реакции на происходящее [6, с. 194]. Кроме того, автор статьи отмечает, что жизненный опыт писателя сам по себе «является уникальным примером переживания целого ряда “пограничных ситуаций”»: детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, трагическая гибель отца, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка и прочее» [6, с. 194]. В то же время она полагает, что особенно важными являются здесь не количественные, а качественные характеристики: «Непрерывное смещение ценностных ориентиров, наслаение одних нормативных принципов на другие, нахождение в “пограничных ситуациях”, угрожавших ему нравственной смертью, – все это определило основную мировоззренческую задачу Достоевского – самоопределиваться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно, не ожесточиться, не стать человеконенавистником, рассчитывать только на себя» [6, с. 194].

Таким образом, интерес Ф.М. Достоевского к «пограничным ситуациям» и их роли в выявлении человеческой сущности был связан не только с его собственным опытом проживания этого состояния, но и с тем, что сам писатель жил и творил в эпоху экономических и нравственных потрясений (А.Н. Кошечко, в частности, обращает внимание на 1860–1870 годы). Исследовательница делает вывод, что, по Достоевскому, в ходе проживания «пограничных ситуаций», человек самоопределяется относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это связано с «трагическими последствиями нравственной дезориентации» [6, с. 195]. А.Н. Кошечко полагает, что человек сознательно принимает роль жертвы, чтобы не стать преступником, и что любой человек в кризисный момент может стать жертвой: «он уже изначально, до ситуации преступления, жертва эпохи, “трагической минуты”. Следовательно, для Достоевского быть или не быть жертвой – это экзистенциальный выбор в “пограничной ситуации” перед лицом смерти» [6, с. 195].

Мы рассмотрели работы литературоведов, посвященные изучению образцов классической русской литературы в русле экзистенциализма. Целью нашего исследования является анализ «пограничных ситуаций» в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

В литературоведении практически отсутствуют работы, посвященные изучению экзистенциальных вопросов в творчестве Л. Улицкой. К примеру, М.Н. Мотамедия исследовала экзистенциальную проблематику малой прозы Улицкой [7]. Исследование же феномена «пограничных ситуаций» и вовсе отсутствует. С нашей точки зрения, крайне важно исследовать этот вопрос в творчестве современной русской писательницы, поскольку в ее работах на эксплицитном и имплицитном уровнях красной нитью проходят вопросы, связанные с экзистенцией человека, и немаловажное место среди них отводится «пограничным ситуациям».

Художественный мир романа насыщен вопросами экзистенциального характера, «пограничными ситуациями» и кризисными периодами, в которых обнажается внутренняя сущность героев. В качестве показательного примера можно назвать превалирующий в произведении хронопот войны. Он, как лакмусовая бумага, обнажает человеческие пороки и слабости, дает им возможность проявиться в полной мере.

Война всегда связана с болью, страданием, потерями, горем, которые, в свою очередь, не могут не оставить отпечатка на человеческих судьбах: «Война ужасные вещи проделала с людьми, даже если они уцелели физически, но души у всех покалеченные. Кто стал жесток, кто труслив, кто отгородился от Бога и мира каменной стеной» [8, с. 182]. За этой «каменной стеной» люди не видели никого и ничего. Работа мозга была направлена на решение одного-единственного главного вопроса: «Как выжить? Что сделать, чтобы спастись САМОМУ?». Зачастую человек не задумывался о том, что рядом с ним есть другие люди, которые проживают те же горести войны. Не было желания сплотиться, объединить

силы и постараться выжить вместе – животный страх за свою жизнь намертво сковывал души людей и толкал их на низкие поступки: «Еще одно поразительное и печальное обстоятельство касается общей атмосферы того времени и того места: на мой стол текли потоком заявления от местных жителей – доносы на соседей, жалобы, обвинения, почти всегда безграмотные, часто лживые и все без исключения подлые» [8, с. 236]. Отдавая своих знакомых и соседей в кроважадные жернова военных реалий, массовых расстрелов и ссылок, люди имели надежду откупиться, отвести от себя всякие подозрения, принеся жертву Богу войны. Но ирония судьбы состояла в том, что подобные подлые уловки не давали полной уверенности в завтрашнем дне, и «справедливость все же торжествует» [8, с. 165].

В романе четко, причем не единожды, репрезентирована эта мысль. Подобное мы наблюдаем в эпизоде с Гражиной и Мочульским. Гражина во время войны полтора года прятала мужа в подвале, но сосед Мочульский выследил ее и стал шантажировать. Однако за все в жизни приходится платить: «Господь с Мочульским распорядился по справедливости: он попал к русским в лагеря после войны, тоже по какому-то доносу, и его бандиты зарезали в лагере году в 47-м» [8, с. 181].

Иногда человек попадал в безвыходную ситуацию и был вынужден идти против своей совести: «Я был в большом затруднении. Подошел к старосте, объяснил ему, что кто-то должен умереть. И если он найдет двух, это может спасти жизнь двадцати» [8, с. 615]. В такую ситуацию поневоле попал Даниэль Штайн, когда был переводчиком в отделении немецкой полиции. Ее жертвами стали «местный дурачок» и лесник. Последний несколько лет назад выдал мальчика, стрелявшего по немцам. Полицейские тогда по доносу лесника нашли мальчика и расстреляли его. И опять-таки злая усмешка судьбы: «предатель сам становится жертвой» [8, с. 615].

Участие в подобных акциях влекло за собой необратимые изменения в психике людей. То, что невозможно стереть из памяти, вычеркнуть и пережить, становилось отныне частью их самих. Так, Даниэль всю жизнь мучился воспоминаниями о том, что, спасая двадцать человек, он загубил две невинные души.

Если Даниэль стал заложником ситуации, оказавшись поневоле вовлеченным в убийство людей, то Улицкая в романе изображает и состояние тех, кто делал это систематически, по долгу службы. Среди них начальник белорусской полиции Семенович. Обращает на себя внимание тот факт, что его чувства относительно собственного непосредственного участия в убийствах людей были противоречивыми. Мы наблюдаем некое раздвоение: с одной стороны, муки совести, терзавшие Семеновича, заставляли его напиваться каждый раз после участия в подобных акциях, чтобы хоть на время заглушить «жестокие страдания», которые он испытывал: «Это были не только физические страдания, и не только нравственные. Нет, пожалуй, это было неразделимо. Адские страдания» [8, с. 183]. Позже Улицкая дает иную характеристику Семеновича, противоречащую ранее заявленной, диссонирующую с ней: «Он был, конечно, идеальным полицейским: его душа не испытывала никаких беспокойств по поводу проводимых антиеврейских акций» [8, с. 231].

Это не единственный персонаж в романе, который проявляет двойственность относительно вопроса, связанного с убийством людей, принадлежавших к еврейской нации. Майор Адольф Рейнгольд приехал в город Омск в качестве нового начальника гестапо. Знакомая читателя с этим персонажем, писательница дает ему довольно положительную характеристику: «Член нацистской партии, по природе своей он был добропорядочный человек и добросовестный исполнитель. <...> он избегает участия в акциях по уничтожению еврейского населения, а когда присутствует, пытается соблюсти видимость законных действий и обойтись без лишней жестокостей» [8, с. 236], которая дает возможность читателю увидеть в нем человека в общем и целом порядочного (если бы не довольно настораживающее замечание о том, что он «добросовестный исполнитель»). Но все оказывается не так просто, и Улицкая как бы невзначай добавляет небольшой штрих к его портрету: «Майор Рейнгольд, чтобы избежать излишней жестокости и, как он выражался, “свинства”, обязал команду непременно собирать всех евреев и зачитывать приказ, объявлявший их врагами Рейха, и – в качестве таковых – расстреливать. Сам он избегал подобных мероприятий и посылал вместо себя своего вахмистра, которой как раз и отличался особым садизмом» [8, с. 239] (курсив наш – Ю.К.). Таким образом, ситуация проясняется: «добропорядочный»

человек, который не любит жестокости и насилия, стараясь избегать участия в расстрелах евреев, отправляет вместо себя своего вахмистра, откровенного садиста, проявлявшего к евреям особую жестокость. Сущность майора Рейнгольда такова, что его пресловутая «добропорядочность» с легкостью уступает место «добросовестности исполнителя».

На примере майора Рейнгольда и начальника белорусской полиции Семеновича Улицкая намечает внутренний конфликт, заключающийся в стремлении быть порядочным, сострадательным человеком и необходимостью играть роль хладнокровного убийцы, который, кажется, без особого труда разрешается в пользу последнего. И если Семенович совершает убийства собственноручно, то майор, не желая быть запятанным человеческой кровью, отправляет вместо себя настоящего профессионала. Отметим, что Улицкая подробно не характеризует внутренние переживания этих персонажей, а предоставляет возможность читателю сделать на этот счет самостоятельные выводы через решение ряда напрашивающихся вопросов: «Знал ли майор о жестокости вахмистра?», «Если знал, то почему посылала именно его?», «Что чувствовал Рейнгольд зная, что люди, которые по большому счету ни в чем не виноваты, подвергаются мукам перед смертью?» и пр.

Пример этих двух персонажей позволяет говорить о том, что человек «в решающем моменте, в самой сердцевине жизни» [8, с. 534] оказывается в ситуации выбора. И, делая выбор, он должен быть готов к тому, что ответ за его последствия придется держать именно ему. В подобной ситуации оказывается Рейнгольд, когда узнает, что Даниэль еврей. Не исключено, что его душа металась между необходимостью сдать Даниэля и желанием спасти этого юношу: «Дитер, вы толковый и смелый молодой человек. Дважды вам удалось избежать смерти. Может быть, вам повезет и в этот раз.

Этого я не ожидал. Это была удивительная реакция честного человека, находящегося в трудной ситуации» [8, с. 275]. В этой ситуации «добропорядочность» одержала верх над «добросовестным исполнителем».

Возвращаясь к вопросу о разрушительной силе войны, как в прямом, так и в переносном значении, отметим, что ее деструктивное влияние ощущали на себе не только те, кто так или иначе принимал в ней участие, но и те, на чьих глазах все это происходило: «Дикая была, всех боялась. Я думаю, у меня с психикой было не в порядке. А может, и теперь не в порядке. Дочь моя так и говорит: мама чокнутая» [8, с. 569]. Как мы отмечали выше, все страхи и ужасы, пережитые во время войны, навсегда становились неотъемлемой частью человека, безвозвратно меняя его.

Улицкая показывает, что, пожалуй, самые страшные психические изменения происходили оттого, что человек начинал привыкать к состоянию войны и смерти вокруг себя. Менялось его мировосприятие, жестокость окружающей действительности начинала восприниматься как явление привычное, рядовое, повседневное. И тогда люди хладнокровно меняли жизнь человека на 20 немецких марок (как тут не вспомнить 30 сребреников!). Психика людей оказывалась настолько искалеченной и обезображенной, что чужая (не своя!) жизнь не представляла для них никакой ценности: «А тем, кто евреев выдавал, 20 немецких марок давали и одежду с человека. У нас сосед Михай за тулуп хороший Нухмана-портного выдал» [8, с. 572].

Конечно, не все люди, сталкиваясь с тяжестью военного существования, теряли человеческое лицо. В художественной реальности романа «Даниэль Штайн, переводчик» встречаются отдельные персонажи, которые, рискуя собственной жизнью, старались спасти чужую. Так, Лея Пейсаховна рассказывает историю своего спасения: «Когда война началась, немцы сразу пришли, и Настенька (прислуга Леи Пейсаховны – Ю.К.) забрала меня к себе в деревню. Мне было 11 лет. Настя меня остригла, велела платочек носить голову покрывать, потому что волосы у меня были уж такие еврейские, а так подстрижена, не видно» [8, с. 569]. Подобное христианское милосердие и любовь проявили монахини к Даниэлю, спрятав его у себя на чердаке, когда он скрывался от немецкой полиции.

Но, к сожалению, подобные ситуации в романе крайне редки. Даже родные и близкие люди нередко проявляли низость и подлость. Так, сестра Настеньки, спасшей Лею Пейсаховну, всю войну шантажировала ее, угрожая, что выдаст ее «жидовочку» немцам, и Настеньке приходилось откупаться от нее: «Сунет Нюре что из продуктов или одежды что, она и уйдет» [8, с. 572].

Таким образом, Улицкая показывает, что люди во время войны условно разделились на две категории. Одни, как Мочульский, Михай и Нюра, думали только о собственном спа-

сении и собственной выгоде. Таких, к сожалению, было большинство (по крайней мере, так, очевидно, полагает автор романа). Другие не только в нечеловеческих условиях войны не потеряли человеческое лицо, но и проявили свои лучшие нравственные качества. Такой была мать Эвы Манукян Рита Ковач – резкая, непримиримая, верная и «до идиотизма» честная. В романе это довольно сложный человек, женщина с тяжелым характером, ужиться с которой в условиях нормальной жизни было крайне сложно. Но перед лицом смерти она проявляет свои лучшие качества: «Двое суток она тащила на себе раненого напарника, он умирал и просил его пристрелить, но она дотащила его до базы, где он умер через час. Кто на такое способен?» [8, с. 98]. Возможно, если бы таких людей во время войны было больше, наши потери были бы намного меньшими.

Еще один вывод, к которому мы пришли в ходе анализа романа: жизнь может продолжаться даже когда человек испытывает тяготы и лишения, даже в этой ситуации человек может найти в себе силы противостоять трудностям, учиться обретать свое счастье: «Кругом лютая смерть, убивают и убивают, а мы как в раю» [8, с. 180]. И это крайне важно. Ведь если человек не может изменить ситуацию, он должен учиться к ней адаптироваться. Эта мысль репрезентирована в романе не единожды.

Так, Эва Манукян выяснила, что ее сын гей. Это открытие шокировало женщину, заполонив собой буквально все ее внутреннее пространство, вытеснив все сколь-нибудь позитивные чувства и эмоции. Эта ситуация разъедала ее изнутри, не давая возможности думать о чем-то другом и радоваться жизни. И в такой тяжелый для нее период судьба свела ее с Даниэлем. В его словах, которые пересказывает Эва, звучит принципиально важный совет, который всем нам стоит взять на вооружение: «Сказал, что мы никогда не знаем, какие у нас впереди еще испытания, болезни и трудности, и что было бы хорошо, если бы я научилась радоваться вещам, не связанными с семьей и отношениями с людьми. Чтобы я лучше смотрела на другие вещи: на деревья, на море, на всю красоту, что нас окружает, и тогда восстановятся порушенные связи» [8, с. 580].

Мысль о том, что «человек может быть счастлив вопреки давлению быта и эпохи» [9, с. 287], характерна не только для анализируемого романа. Так, А. Быков обратил внимание на присутствие подобной идеи в повести «Сонечка» [9, с. 287]. Анализируя сборник рассказов Л. Улицкой «Бедные родственники», А. Цуркан также обращала внимание на ее воплощение в ряде рассказов писательницы. Мнение исследовательницы, что для человека крайне важно «отыскать свою собственную нишу именно внутри общества и быть в ней счастливым» [10], во многом коррелирует с точкой зрения А. Быкова.

Действие в повести «Сонечка» и рассказах, вошедших в сборник «Бедные родственники», происходит в мирное время, когда жизни ничего не угрожает, тем не менее, проблема человеческого счастья остается в них актуальной. В романе «Даниэль Штайн, переводчик» персонажи оказываются в условиях ежеминутного соседства смерти, когда жизнь может оборваться в любой момент. Вопрос об умении быть счастливым, несмотря ни на что, здесь и сейчас (ведь других условий может и не быть, до них можно просто не дожить!) оказывается еще более актуальным.

Острые, кризисные ситуации переживают герои Улицкой не только во время войны. Жизнь персонажей романа, впрочем, как и жизнь реальных людей, представляет собой затяжной прыжок с вереницей неотложных дел, забот, среди которых не находится времени для родных и близких, для тех, кому это нужно сегодня и сейчас, а не тогда, когда все наши срочные дела будут сделаны. Авторская точка зрения по этому вопросу довольно прозрачна и легко «вычитывается» в романе, хотя Улицкая зачастую не формулирует ее прямо. Она присутствует на имплицитном уровне (и это характерно не только для анализируемого романа), и читателю нужно изменить угол зрения, научиться читать между строк. Основная идея, воплощаемая в романе, довольно проста: всегда нужно находить время для родных и близких, чтобы поговорить, выслушать, помочь или просто побыть рядом; не нужно ждать особого случая, ведь жизнь – чрезвычайно хрупкая вещь.

В романе особым случаем критической ситуации становятся болезни, которые заставляют персонажей обратить внимание на родных и освободить для них время. Нередко жизненная ситуация выглядит многосложной.

Так, у Эвы Манукян всю жизнь не складывались отношения с матерью, которая была рьяной коммунисткой и борцом за правду. Когда началась война, она, желая принимать в

ней активное участие, сдала своих детей в детский дом, где они и выросли. Не сумев понять причины, побудившие мать отказаться от детей, Эва не может испытывать к ней нежные чувства: «Я навещаю ее раз в год. Высохшая старуха, волочит ногу, глаза по-прежнему горят. Я сжимаю зубы и провожу там три дня. Ненавидеть я ее перестала, а любить не научилась. Жалко, это да» [8, с. 92]. Их непонимание взаимно: как Эва не понимала свою мать в ее одержимой борьбе за идею, так и мать не могла понять образа жизни своей дочери: «Мне просто смешно смотреть на Эву – это жизнь пустой бабочки, она порхает от мужчины мужчине» [8, с. 95].

Неприятие взглядов другого человека и, что немаловажно, отсутствие желания понять друг друга определило и отношения героинь друг к другу: «Она меня не полюбила, а я ее просто возненавидела» [8, с. 86]. И только тогда, когда мать оказалась тяжело больна, ситуация несколько смягчилась, начала меняться. Проблема Эвы заключалась в невозможности простить: «Печальная правда заключается в том, что я не могу выбросить из головы обвинений, которые накопила к матери за всю жизнь» [8, с. 262]. Только смерть примирила Эву с матерью «по-настоящему» [8, с. 579].

Но, Эва – не единственный персонаж, чьи отношения с матерью стали возможны только после серьезного испытания болезнью. Можно вспомнить и помощницу Даниэля Хильду. В детстве она была очень одинокой девочкой, и с матерью они были «очень далеки», возможно, потому что младший брат Хильды очень болел и все свое время мама проводила с ним. Отчужденность в детстве сказалась на их отношениях и во взрослой жизни, поскольку у них не было опыта близкого общения. Но судьба посылает им серьезное испытание: у матери Хильды диагностировали онкологическое заболевание. Эта ситуация в корне все изменила: «Конечно, это ужасно, что ты так тяжело заболела, но я нахожу в этом и нечто хорошее – никогда у нас с тобой не было таких сердечных отношений. За тот месяц, что я провела с тобой, я гораздо лучше стала тебя понимать. И чувствую, что и ты меня тоже лучше понимаешь. Неужели для того, чтобы понимать друг друга, надо обязательно заплатить такую цену?» [8, с. 166].

Печальные реалии жизни (и не только романной) заключаются в том, что люди утрачивают ценность близости, общения. Высшую ступень в иерархии ценностей занимают другие вещи – работа, дела, увлечения. Нередко люди начинают понимать важные моменты в жизни, меняют что-то слишком поздно, когда осознают, что могут потерять родного человека навсегда: «<...> у него действительно были бесконечные романы на стороне, но теперь, когда Мирка так тяжело больна, он ведет себя безукоризненно» [8, с. 558]. Грустная правда жизни состоит в том, что только бремя болезней и подобные жизненные невзгоды способны открыть человеку глаза на важные вещи.

Еще один аспект, который присутствует в романе, заключается в том, что испытание болезнями не только меняет отношение персонажа к близким и родным, но и позволяет по-другому взглянуть на собственную жизнь. Примечательно, что персонажи видят в этом положительный момент. К примеру, Даниэль, постоянно находясь в делах, передвижениях, экскурсиях, большую часть своего времени проводит в суете (хотя все это было направлено на благо его родных и близких и просто знакомых). И Вселенная дает ему знак, что нужно остановиться и сделать перерыв: он сломал ногу, в результате чего возникли осложнения и ему сделали операцию. На его примере автор показывает, как нужно терпеливо принимать все, что нам посылается, и не роптать, ведь, в конечном итоге, это нам во благо: «Эта остановка на бегу дает полное отдохновение. <...> Наконец-то я могу написать тебе обстоятельное письмо» [8, с. 223].

Рассмотренные нами эпизоды позволяют сделать вывод, что, как полагает Улицкая, в тяжелых жизненных ситуациях, во время серьезных испытаний проявляется сущность человека. Все, что раньше скрывалось за маской любезности и порядочности, под воздействием животного страха за свое существование обнажается и достигает наивысшей точки кипения. Для многих стираются барьеры и границы, за которые нельзя заходить. Но есть и те, кто вопреки ситуации находит в себе неведомые ранее качества, оказывается способным совершать ПОСТУПКИ. Писательница полагает, что «очень хорошие люди и от войны не делаются хуже» [8, с. 67].

Изображая сложные судьбы своих героев, писательница стремится донести до своего читателя важную истину: нужно помнить о своих родных и близких всегда, нужно быть вни-

матерным и заботливым постоянно, не дожидаясь, когда в двери постучится беда. Ведь земная жизнь имеет свои пределы, за которыми исправить уже ничего нельзя.

Таким образом, подводя итог всему изложенному выше, мы приходим к выводу, что в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» «пограничные ситуации» представлены двумя векторами – война и болезни. Но в столь малом разнообразии сконцентрирована крайне важная информация относительно деструктивного влияния кризисных ситуаций на сущность человека. Наше исследование является одним из этапов целостного изучения крупной прозы писательницы в русле экзистенциализма. Так, одним из следующих направлений в изучении творчества Улицкой станет один из составляющих компонентов любой экзистенции – взаимоотношения человека: с самим собой, окружающими его людьми, действительностью и пр.

Список использованной литературы

1. Ясперс К. Введение в философию [Электронный ресурс] / К. Ясперс. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/vvedfil.php (последнее обращение 02.09.2019).
2. Мануковский В.В. «Пограничная ситуация» и «подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова / В.В. Мануковский // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 18 (272), вып. 25. – С. 127–129.
3. Полуяхтова Е.М. Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса: дисс. ... канд. филос. наук / Е.М. Полуяхтова. – Екатеринбург, 2003. – 158 с.
4. Пугацкий М.В. Деятельная сущность человека в его пограничных состояниях: дисс. ... канд. филос. наук / М.В. Пугацкий. – Красноярск, 2005. – 196 с.
5. Фаленкова Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма / Е.В. Фаленкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 4 (258), вып. 23. – С. 126–131.
6. Кошечко А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) / А.Н. Кошечко // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 7 (109). – С. 192–199.
7. Мотамедняя М.Н. Экзистенциальная проблематика Л. Улицкой (на примере цикла рассказов «Бедные родственники») / М.Н. Мотамедняя // Проблемы филологии и искусствознания. – 2018. – № 1. – С. 216–223.
8. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. – 704 с.
9. Быков А. «Сонечка» и другие / А. Быков // Урал. – 1994. – № 2–3. С. 287–288.
10. Цуркан А. Единство в многообразии, или народ избранный. *Старое литературное обозрение* [Электронный ресурс] / А. Цуркан. – 2001. – № 2 (278). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2> (последнее обращение 08.08.2019).